

Глава 31. Боязнь полной луны (4)

У северных ворот, представлявших собой решётчатую железную дверь и дополнительную противовзломную, была заперта лишь первая. За ней царили тьма и холод, света не было.

Хо Сяотин не смогла открыть решётку и достала телефон, чтобы набрать номер Ли Маньюнь.

В следующую секунду из-за двери донеслась мелодия звонка, и из темноты возникла высокая фигура. Пришедшая была одета в длинный чёрный плащ, белые перчатки и высокие сапоги, скрывавшие всё тело, лишь при ходьбе мелькал край белого платя.

— Хо Сяотин?

Голос был немного хриплым, но женским.

Женщина откинула капюшон, открыв красивое лицо, бледное как бумага. Под глазами залегли тёмные круги, щёки впали, а выражение лица было угрюмым, словно у человека, измученного тяжёлой болезнью.

Хо Сяотин подтвердила, что это она, и назвала её по имени — Ли Маньюнь.

— Это и есть тот мастер, о котором ты говорила? — спросила Ли Маньюнь, глядя на Цэнь Цзиня.

— Да, — кивнула Хо Сяотин. — Если бы не он, меня бы уже, наверное, не было в живых.

— Чем вы занимаетесь? — спросила Ли Маньюнь у Цэнь Цзиня.

— Я мясник, — ответил он.

Хо Сяотин дёрнула уголок рта и уже собиралась объяснить, что этот желтоволосый любит пошутить, но Ли Маньюнь, не говоря ни слова, открыла дверь.

— Я слышала, у мясников сильная аура крови и на них лежит тяжесть многих убийств. Одного их ножа боятся и призраки, и боги. Ваши предки тоже забивали свиней?

— Я сирота.

— Прощу, — пригласила его Ли Маньюнь. — Звезда одинокого волка, подавляющая демонов. Хорошая судьба.

— Госпожа Ли разбирается в предсказаниях и судьбах?

— Зовите меня по полному имени, мастер, не стесняйтесь. Если бы вы до десяти лет жили в роскошном особняке в комнате принцессы, а потом однажды переехали в это здание-призрак, да ещё и в комнату-гроб, где каждый вход и выход нужно регистрировать, а вокруг нет ни единого зелёного листочка, вы бы тоже заинтересовались оккультизмом.

Она сделала паузу и добавила:

— Немного изучала, брала лучшее из разных школ. Но я в этом не сильна.

Короче говоря, самоучка-дилетант, нахватавшаяся вершков. Кто поверит — тот дурак.

— Вы только что спустились с десятого этажа? — спросил Цэнь Цзинь.

Ли Маньюнь кивнула.

— Моя мама находится на лечении в комнате в конце десятого этажа. Я каждый день утром прихожу поговорить с ней. Сегодня вечером кровавая луна, мы должны оставаться в своих комнатах и не выходить, поэтому я побыла с ней немного дольше. Мастер, прошу вас, зайдите сегодня вечером к моей маме, скажите ей, что со мной всё в порядке. Иначе она будет очень волноваться и, несмотря на болезнь, станет искать меня по всем этажам, пока не убедится, что я в безопасности.

— Какая трогательная дочерняя любовь.

— В этом мире меня любит только мама. Кстати, мастер, откуда вы знаете, что я только что спустилась с десятого этажа?

Цэнь Цзинь указал на две связки ключей на её запястье.

— Когда вы открывали дверь, я заметил, что на одной связке написано «пятый этаж», а на другой — «десятый». А снаружи я видел, что только на окнах десятого этажа нет чёрной плёнки, вместо неё — шторы в тон. Поэтому я и предположил, что вы живёте на пятом, а были на десятом.

Члены клана Ли боялись лунного света, поэтому, для надёжности, все окна в их жилищах должны были быть заклеены чёрной плёнкой. А раз на десятом этаже были лишь шторы в тон, значит, там жил не кто-то из страдающего боязнью луны клана.

— Мастер, вы очень наблюдательны и невероятно умны, — с восхищением сказала Ли Маньюнь.

— Вы тоже, раз смогли всему научиться сами. И ваша забота о матери трогает до глубины души.

Ли Маньюнь обернулась, Цэнь Цзинь ответил ей доброй улыбкой. Они мило беседовали, и даже воздух, казалось, наполнился радостью. Хо Сяотин, шедшая позади, смотрела на них и чувствовала, что что-то не так, но не могла понять, что именно. Вроде бы в разговоре не было ничего странного, даже наоборот, он казался очень вежливым.

Она долго размышляла, но так ничего и не придумала, списав странное чувство на нервное напряжение.

Трио прошло по тёмному коридору к грузовому лифту у западного входа. Перед лифтом была ещё одна решётчатая дверь, выкрашенная в зелёный цвет, с облупившейся краской. Ли Маньюнь открыла её, пропустила Цэнь Цзиня и Хо Сяотин внутрь, затем вошла сама и заперла дверь ключом, который сняла с другого запястья.

Цэнь Цзинь, заметив это, слегка изменился в лице.

— Жильцам этого старого здания нельзя свободно передвигаться, — поспешила объяснить Хо Сяотин. — Вход и выход нужно регистрировать. После получения разрешения выдают ключ от лифта на нужный этаж. Только с этим ключом можно открыть решётку перед лифтом.

Ли Маньюнь обернулась.

— У меня только три ключа, завтра их нужно вернуть. Так что у вас есть всего одна ночь на расследование. Вы сможете попасть только на первый, третий, пятый и десятый этажи. Третий этаж открыт, там на лифте нет решётки, но его охраняют наёмники. Морг тоже на третьем. Раз уж вы здесь, чтобы выяснить причину боязни, двадцати одного трупа на третьем этаже вам должно хватить с лихвой.

Выражение лица Хо Сяотин стало странным. Она знала свою кухню больше десяти лет, много раз с ней общалась, но редко слышала от неё такие неуместные слова.

В здании, где они живут, специально построили морг и хранят там двадцать одно тело умерших за последние три года, не кремируя и не хороня. Они содержат их в первозданном виде, живя бок о бок с мертвецами. Ли Маньюнь не только привыкла к этому, но и сказала Цэнь Цзиню «хватит с лихвой», словно эти тела не имели к ней никакого кровного родства, а были лишь грудой застывшей, гниющей плоти.

Как бы это сказать...

Хоть это и были знакомые родственники, но от этого становилось немного не по себе, и уровень здравомыслия падал.

— Могу я их вскрыть? — вежливо спросил Цэнь Цзинь.

Хо Сяотин ахнула. «Желтоволоосый, очнись, ты же не настоящий мясник!»

— Пользуйтесь по своему усмотрению, — ответила Ли Маньюнь.

Хо Сяотин потёрла руки. Ей становилось дурно. С тех пор, как она вошла в это старое здание, её не покидала тревога, а эти двое, как назло, постоянно говорили что-то, отчего ей становилось ещё хуже.

— Сначала отвезу вас на третий, — сказала Ли Маньюнь.

— Наёмники нас заметят.

— Сегодня приходила полиция с расследованием, все наёмники сосредоточены на них. Вы сможете незаметно пробраться в морг. В семь часов кухня будет развозить ужин с четвёртого по десятый этажи. Если хотите осмотреть другие этажи, можете спрятаться в тележке для еды. Наёмники тележки не проверяют, но повар там немного свирепый.

— Хорошо.

Лифт прибыл на третий этаж. Ли Маньюнь открыла решётчатую дверь и указала на поворот впереди.

— За углом, в трёх метрах налево, будет столовая. У окна раздачи есть проход на кухню, рядом с ним — железная дверь. За ней узкий, полуметровый в высоту тёмный коридор, это старый проход для доставки еды. Выйдя из него, вы попадёте в морг. Морг находится между южным и центральным задним входами. У центрального заднего и центрального переднего входов есть по приёмной, вроде ресепшена в больнице или отеле. Там дежурят по пять-шесть наёмников, поэтому в морг нужно пробираться только через этот заброшенный коридор.

Старое здание состояло из двух жилых корпусов, расположенных в форме буквы «П», соединённых посередине, между северо-востоком и юго-западом, где и находились центральный передний и центральный задний входы.

Кроме того, было четыре входа: восточный, западный, северный и южный, расположенные по углам двух корпусов.

Возле каждого входа находился лифт. У западного и центрального заднего входов были грузовые лифты, у остальных четырёх — пассажирские.

Сверху здание представляло собой прямоугольник. По словам Ли Маньюнь, раньше четыре

коридора были соединены, но потом их перегородили железными дверями, которые всегда заперты. Открытым остался только проход от северного входа к западному.

Поэтому Ли Маньюнь и встретила их у северного входа и повела к грузовому лифту у западного.

— Сяотин, ты поедешь со мной на пятый?

Хо Сяотин колебалась. Раньше, приезжая в это здание, она всегда шла прямо на десятый этаж к тёте и там же видела Ли Маньюнь. На пятом этаже она никогда не была.

По идее, ей следовало бы поехать с Ли Маньюнь на пятый этаж, ведь в своей комнате безопаснее, чем снаружи. Но почему-то она вдруг испугалась красивого и нежного лица своей кузины.

— Я побуду с мастером, а к тёте зайду попозже, — выдавила из себя Хо Сяотин.

Ли Маньюнь пристально посмотрела на неё, затем, спустя мгновение, надела капюшон.

— Как хочешь. И ещё одно. Я потеряла красный зонт. Не знаю, кто его украл и на каком этаже мог бросить. Если увидите, принесите мне, пожалуйста. Мне очень дорог этот зонт.

«Какой ещё красный зонт? Почему в такой напряжённой обстановке Ли Маньюнь думает о каком-то непонятном зонте? И почему она сегодня так странно разговаривает?»

Была ли Ли Маньюнь такой и раньше?

Что-то не припоминается.

У Хо Сяотин разболелась голова. Она отчаянно пыталась вспомнить Ли Маньюнь, но поняла, что воспоминания о ней очень смутные. Раньше она считала кузину такой же родной, как и тётю, поэтому и в общении неосознанно была с ней близка. Но сейчас Ли Маньюнь перед ней казалась совершенно чужой.

— Я запомнил, — сказал Цэнь Цзинь.

— Спасибо.

Цэнь Цзинь и Хо Сяотин вышли из лифта. Старая зелёная решётчатая дверь с лязгом закрылась. Двери лифта медленно сошлись перед ними. Ли Маньюнь подняла лицо и без всякого выражения произнесла:

— Желаю вам удачи. Вечной жизни без предела, вечной радости без конца.

Цэнь Цзинь резко обернулся, но двери лифта уже закрылись, оставив в памяти лишь холодный взгляд Ли Маньюнь.

— Вы слышали, что она сказала в конце? — прошептала Хо Сяотин, подойдя ближе к Цэнь Цзиню и испуганно сглотнув. — Вечной жизни без предела, вечной радости без конца... это, кажется, как-то связано с даосизмом.

Хо Сяотин, как специалист по фольклору, не могла не углубиться в детали:

— Эта фраза впервые появилась в эпоху Цинь-Хань. Во времена Западной Хань даосизм процветал, и стремление к вечной жизни и раю, о которых он говорил, а также всеобщее увлечение даосизмом в то время, были сжаты до этой фразы — «вечной жизни без предела, вечной радости без конца». Её часто вырезали на черепице, и до сих пор её можно увидеть на многих зданиях эпохи Западной Хань... Мне не должно быть от этого странно, но почему Ли Маньюнь это сказала? Или у вас, даосских мастеров, принято заканчивать разговор такой благословенной фразой? Она, наверное, нахваталась всякой ерунды, вот и говорит такое.

— Возможно, — сказал Цэнь Цзинь и посмотрел на Хо Сяотин. — Но вот ты, Ли Маньюнь же твоя кузина, а ведёшь себя так, будто видишь её впервые.

Хо Сяотин нахмурилась и с трудом произнесла:

— Я не знаю Ли Маньюнь, я знаю «кузину». Тётя постоянно рассказывала мне о ней, и я представляла её как нежную, тихую, добрую, но страдающую от странной болезни несчастную девушку. А Ли Чжэньчжун не разрешал нам, чужакам, ходить по другим этажам. Я всегда видела Ли Маньюнь на десятом этаже. Она редко говорила, была очень вежлива, и у меня сложилось о ней хорошее впечатление. Поэтому когда она попросила меня о помощи, я сразу согласилась.

— Понятно.

— С Ли Маньюнь что-то не так?

— Не знаю, пока что она просто странно разговаривает, но ничего подозрительного я не заметил.

— И это по-твоему не проблема? — удивилась Хо Сяотин.

— Если просидеть в заключении, как в тюрьме, больше десяти лет в такой обстановке, то странно было бы, если бы психика осталась здоровой. Насторожиться следовало бы, если бы она была абсолютно нормальной.

Хо Сяотин подумала и серьёзно сказала:

— В этом есть смысл. — Она стиснула зубы и с отвращением сплюнула: — Ли Чжэньчжун — настоящий психопат!

«Психопат здесь не обязательно Ли Чжэньчжун», — задумчиво подумал Цэнь Цзинь, легко ступая и осматривая комнаты и номера дверей по обе стороны коридора.

Напротив двух грузовых лифтов находилась противопожарная дверь, в данный момент запертая.

Выйдя из лифта, они оказались в коротком коридоре длиной три-четыре метра. Поворот налево вёл в столовую и в длинный коридор, соединявшийся с северным входом. Поворот направо — в коридор, ведущий к центральному заднему и южному входам. Морг был между ними.

Центральный задний вход представлял собой приёмную, ярко освещённую, что резко контрастировало с темнотой коридоров по обе стороны и напоминало одинокий остров в океане.

Цэнь Цзиню показалось, что точнее было бы сравнить его с уличным фонарём.

Единственный источник света, который одновременно притягивает к себе ночных мотыльков из тьмы.

Он отвёл взгляд и посмотрел на ближайшие комнаты по обе стороны коридора. На позолоченных табличках были номера 3035 и 3036. На закрытых чёрных железных дверях имелись окошки размером с ладонь.

Цэнь Цзинь встал на цыпочки и заглянул в окошко. Внутри было совершенно темно. Он достал телефон, включил фонарик и начал осматривать комнату с угла.

— Что там? — прошептала Хо Сяотин, зажимая рот рукой.

Глаза Цэнь Цзиня, словно обожжённые, резко сузились. Он быстро выключил фонарик, схватил Хо Сяотин и толкнул её в дверь столовой.

Бам!

Едва они оказались в столовой, как из комнаты позади них раздался оглушительный грохот, будто что-то тяжёлое ударило в железную дверь. Шум тут же привлёк внимание наёмников, охранявших центральный задний вход. Один из них, в полной экипировке и противогазе, направился в их сторону, освещая всё вокруг мощным фонарём. Осмотревшись, он подошёл к

двери столовой.

Наёмник поднял руку, собираясь толкнуть дверь.

За дверью стояли Цэнь Цзинь и Хо Сяотин. Они спрятались так, что могли отчётливо видеть чёрный автомат в руках наёмника. Цэнь Цзинь сжал в руке тесак и, глядя сквозь щель в двери, впился взглядом в горло наёмника.

Удар должен быть смертельным, не оставляющим противнику ни единого шанса на реакцию.

Если минуту назад, из-за хорошего впечатления от Сюн Бина, Цэнь Цзинь и не стал бы убивать наёмника, то теперь, увидев, что держат в той комнате, и поняв, что наёмники в курсе и пособничают этому злу, он не проявит ни капли милосердия.

Вот только эти наёмники, скорее всего, были не менее жестоки и опасны, чем аномалии. Мало того, что они сильны, так ещё и вооружены до зубов. К тому же, они были слишком близко к центральному заднему входу, и любое движение могло привлечь целую группу.

Ладонь Цэнь Цзиня вспотела. Он наклонился вперёд, мышцы голени напряглись до предела.

Стоявшая позади Хо Сяотин, понимая всю серьёзность ситуации, крепко зажала рот рукой, чтобы не издать ни звука.

Скрип...

Дверь столовой начала открываться, показалось дуло автомата. Ещё мгновение, и она распахнётся настежь.

В этот критический момент снаружи раздался грохот, а затем — мучительный рёв зверя. Это вызвало цепную реакцию: во всех комнатах по коридору начали выть заточённые там существа. В коридоре зажёгся свет, слышались торопливые шаги.

Наёмник у двери выругался и, развернувшись, пошёл разбираться с источником рёва в комнате.

— Что ты там увидел? — спросила Хо Сяотин, бледная как полотно и с дрожащими губами.

Цэнь Цзинь опустил глаза.

— Инкубатор для монстров.

Хо Сяотин мгновенно покрылась мурашками. Ей не нужно было расспрашивать подробности, она и так уже догадалась, что старое здание, как и говорил Цэнь Цзинь, превратилось в дом, полный монстров.

— Мы всё ещё идём в морг? — спросила она.

Ситуация оказалась намного хуже, чем она предполагала. Её гонорар составлял всего пятьдесят тысяч — мелочь по сравнению с тем, что платили наёмникам. Если Цэнь Цзинь откажется от дальнейшего расследования и захочет лишь зайти к тётке, она не станет обвинять его в нарушении договора.

— Идём.

— Вообще-то, если ты не сможешь найти причину болезни, ничего страшного. Деньги можешь не возвращать. Сегодня навестим тётку, и я найду профессиона... а?

Цэнь Цзинь извлёк из-за голенища обмотанный марлей европейский кухонный нож, спрятал его и, крепко сжимая тесак, устался на неприметную железную дверь у окна раздачи в столовой.

— Не оскорбляй преданного своему делу трудягу. Я взял твои деньги, и я выполню свою работу.

Сказав это, он бросил на Хо Сяотин мимолётный взгляд и направился к железной двери.

Хо Сяотин, глядя на его решительную походку, подумала, что даже со спины он выглядит как настоящий «дедушка-рабочий», вызывая невольное уважение.

В столовой горело всего две лампы, освещение было тусклым, но видеть можно было без проблем. Повара и другой персонал были на кухне, у окна раздачи никого не было. Воспользовавшись моментом, они подобрались к полуметровой железной двери. Цэнь Цзинь взялся за замок, попросил у Хо Сяотин заколку и парой движений вскрыл его.

— Сколько же у тебя ещё талантов? — ошеломлённо спросила Хо Сяотин.

— Душа работника — в работе. О талантах работника не спрашивай, — ответил Цэнь Цзинь, не оборачиваясь, и полез внутрь.

Хо Сяотин последовала за ним. Узкий проход становился всё круче, и от боли в ободранных коленях и ладонях ей было не до разговоров.

Цэнь Цзинь молча полз вперёд. Он заметил, что проход идёт под наклоном вверх, а его вторая

половина проходит параллельно вентиляционной шахте.

Проползая мимо центрального заднего входа, он специально остановился, чтобы осмотреть приёмную. В центре было пустое пространство с несколькими столами и искусственными растениями для вида. Напротив находились две комнаты с табличками «Офис» и «Комната отдыха» — вероятно, места для совещаний и смены экипировки наёмников.

Всего было шесть наёмников, но столов — десять. Вероятно, обычно центральный задний вход охраняли десять человек, столько же, сколько и центральный передний.

Но сегодня их было только шестеро, значит, четверых перебросили к центральному переднему входу для наблюдения за полицией.

Четырнадцать элитных наёмников одновременно следят за полицией, даже не обращая внимания на монстров в комнатах. Это значит, что пришли не простые люди.

«Неужели всё так, как я и думал?» — размышлял Цэнь Цзинь. — «Пришли не обычные следователи, а сотрудники внештатного специального отдела».

Приёмная у центрального переднего входа.

— Который час? — спросила Хуан Цзян.

Юй Вэнь достал телефон.

— Шесть двадцать, солнце скоро сядет. Сегодня кровавая луна, думаю, её очертания уже видны.

Он обернулся и посмотрел на тёмный, безмолвный коридор. По его спине пробежали мурашки.

— У меня сердце не на месте. Как только я вошёл в это старое здание, оно начало бешено колотиться. Тревога, дурные предчувствия не покидают меня, словно я нахожусь не в частном жилом доме, а в логове, где выводят монстров.

— Мой гу-пожиратель душ не находит себе места. Здесь есть что-то, что его пугает, — сказала Хуан Цзян.

— Похоже, уровень аномалии не низкий, — вздохнул Юй Вэнь. — Нам и впрямь повезло. Три огромных ящика с пыльными архивами, и надо же было вытянуть дело с такой запредельной

сложностью.

— Думаешь, мы случайно вытянули дело «старого здания клана Ли»?

— Что ты имеешь в виду? — с сомнением спросил Юй Вэнь.

— Насколько я знаю, — холодно произнесла Хуан Цзян, — дело «старого здания клана Ли» было заведено примерно в 2005 году. Ли Чжэньчжун откопал бронзовый гроб в 2004, Организация опоздала, гроб уже был расплавлен, и расследование, не успев начаться, было свёрнуто. Но основные записи остались, например, о бронзовом гробе и трупе внутри. Впрочем, это не так важно. Самое главное — пропавшая оттуда статуя сорокадвухрукой Гуаньинь. Организация подозревала, что это был «яо». Яо по своей природе хитры, они вселяются в людей и до своего рождения никак себя не проявляют, как паразиты. Без точного оборудования их не найти. Организация хотела бы проверить всю семью Ли Чжэньчжуна, но в те годы шли переговоры с правительствами других стран, был напряжённый период взаимных проверок, и не хватало людей, чтобы заниматься этим ещё не выросшим яо. Позже за «старым зданием клана Ли» продолжили следить, но к тому времени Ли Чжэньчжун уже возвёл высокую стену. Стены, выкрашенные белой известью, и бетонный пол были начинены огромным количеством магнитов. Магнитное поле здания было полностью изолировано от магнитного поля Земли и находилось в состоянии крайнего хаоса. К тому же, он установил первоклассную систему безопасности и нанял наёмников для круглосуточной охраны. Без законного основания Организация не могла туда проникнуть. По данным аналитической группы, старое здание клана Ли вполне могло превратиться в дом, полный монстров. Та сорокадвухрукая Гуаньинь вот-вот должна была вылупиться. Организация как раз искала повод, чтобы начать официальное расследование. Тут кто-то вызвал полицию, и подвернулся удобный случай. Но на него наткнулись старшие братья. Они сочли это дело сложным, интересным и захватывающим и подали заявку на стажировку в качестве наблюдателей и для проведения собственной проверки.

— Мы же первокурсники, а старшие братья всего лишь на втором курсе. Как им могли одобрить такую заявку? — не мог поверить Юй Вэнь.

— Старшие братья уже на первом курсе были на передовой.

Юй Вэнь замолчал. Он вспомнил, что двое старших братьев — гении, переведённые из главного кампуса. Ради соревнований между филиалами в следующем году и кадрового резерва Китая правительство приложило немало усилий, чтобы переманить их у страны «Белоголового орла».

Потенциал у обоих был А+. У одного из них последовательность сверхъестественных искусств входила в топ-60, но какая именно, было неизвестно.

А он и Хуан Цзян, один — со специализацией «специальные боевые операции», другая — «расследование и анализ», по идее, не должны были пересекаться, но на начальном этапе у их специальностей было слишком много общих курсов. К тому же, они оба пробудили в себе сверхъестественные искусства, поэтому их определили в один класс для сверхъестественных, а

разделение по специальностям должно было произойти на втором курсе.

Так они оказались одноклассниками. На занятиях по физической подготовке для сверхъестественных, которые вёл Шишахай, они тренировались вместе со второкурсниками.

Поэтому они и оказались в одной группе с двумя гениальными старшими братьями. А сегодня утром Шишахай задал еженедельное контрольное задание: раскрыть одно дело с аномалией или уничтожить одну аномалию. Требования: видео в качестве доказательства или подробное описание уровня, характеристик аномалии и происшествия, а также тысячесловный отчёт. Задание можно было выполнять в группах по 4-6 человек.

После объявления задания старшие братья предложили сохранить состав группы, чтобы не было лишних хлопот.

Хуан Цзян и Юй Вэнь не возражали.

Дальнейшее развитие событий было стремительным. Пока Хуан Цзян и Юй Вэнь думали, где бы найти дело с аномалией, старшие братья уже связались с внештатным специальным отделом города Синьхай и как раз наткнулись на дело «старого здания клана Ли». Так они вчетвером и оказались в следственной группе в качестве стажёров-наблюдателей, внутри старого здания клана Ли. Вместо того чтобы встретиться с Ли Чжэньчжуном, они были скованы по рукам и ногам группой наёмников.

— Подожди, а где старшие братья? — наконец заметил Юй Вэнь, что в следственной группе не хватает двоих.

— Ускользнули.

У Юй Вэня глаза на лоб полезли.

— Когда?

— ... — Хуан Цзян помолчала. — Когда мы подъехали к саду камней. Старшие братья заметили, что там нет камер, выпрыгнули из машины и смылись.

Помолчав несколько секунд, она добавила:

— Вся следственная группа в курсе. Иначе, как ты думаешь, они могли бы так спокойно тянуть время с этими наёмниками, когда расследование зашло в тупик?

Юй Вэнь посмотрел на сотрудников специального отдела, сидевших за чайным столом. С виду казалось, что наёмники водят их за нос, но на самом деле это следователи водили наёмников

по кругу, не давая им ни отдохнуть, ни уйти, чтобы выиграть время для старших братьев, исследующих старое здание.

Тем временем Цэнь Цзинь и Хо Сяотин вошли в морг.

Взору предстали не аккуратные ряды холодильных камер и накрытые белыми простынями тела, а ровные ряды стеклянных колб, от больших до маленьких, слева направо, заполненных формалином, в котором плавали человеческие тела и органы.

Самые большие колбы, высотой в два метра, содержали тела взрослых мужчин и женщин. Средние, полутораметровые, — тела несовершеннолетних юношей и девушек. Самые маленькие, около полуметра, — младенцев размером с ладонь, некоторые даже с пуповиной и плацентой, а также различные человеческие органы.

Хо Сяотин, застигнутая врасплох, столкнулась взглядом с парой глазных яблок в одной из колб. От ужаса у неё подкосились ноги, и она едва не закричала, выдав их присутствие.

Капельки холодного пота размером с горошину скатились по её щекам.

— Это и есть те двадцать один умерший за последние три года, двадцать один член клана Ли? — прошептала она дрожащими губами. — Теперь я понимаю, почему Ли Маньюнь так спокойно позволила нам разбирать тела. Они, оказывается, уже сами этим занимались. Не знаю, сколько раз их вскрывали, все органы вынуты. Швы такие аккуратные, следы от хирургических операций отчётливо видны...

Говоря это, Хо Сяотин обошла колбу с телом взрослого и внезапно замолчала. Её дыхание стало частым и испуганным.

— Что это за монстр!

Цэнь Цзинь подошёл и посмотрел. Хоть он и догадывался, но увиденное всё равно превзошло все его ожидания.

Двадцать одно тело, разного пола и возраста, все были сильно изуродованы. Например, мужчина средних лет перед ними, в последний миг своей жизни, то ли от невыносимой боли, то ли увидев нечто ужасное, застыл с кричащим выражением лица. Даже сквозь формалин казалось, что можно услышать его мольбы о помощи.

И всё же, спереди он выглядел как обычный человек.

Но если обойти и посмотреть на его спину, можно было содрогнуться от ужаса. По обе стороны позвоночника у него было по три впадины размером с кулак, из которых росли мясистые клешни, похожие на крабьи.

Всего три пары. Первые две были полностью развиты, толщиной с руку взрослого человека. Третья пара была деформирована: отросток длиной с большой палец, на конце которого росла опухоль размером с шарик для пинг-понга. Присмотревшись, можно было заметить, что верхушка опухоли слегка раздвоена. Если бы он не умер, она, вероятно, выросла бы такой же, как и первые две.

Если мутация первого мужчины была не слишком сильной, то тройняшки во второй колбе вызывали желание закричать от ужаса и тошноту при долгом созерцании. Это было воплощение хаоса и зла.

Жуткое чувство рождалось внутри, не требуя воображения, одной лишь зрительной стимуляции было достаточно, чтобы вызвать панику.

Тройняшки — дети лет семи-восьми, сросшиеся вместе. В центре была одна голова, две другие росли по бокам от плеч. Это напоминало одновременно и трёхголового Нэчжа, и трёхликую Гуаньинь, создавая странное, жуткое впечатление.

Лица всех трёх голов были спокойными и умиротворёнными, словно они просто спали, а не были мертвы. Не видя тел, невозможно было представить, что им пришлось пережить.

Их тело представляло собой огромный, раздутый мясной шар. Шесть рук и шесть ног росли прямо из спины, не как у первого мужчины, по обе стороны позвоночника, а беспорядочно, хаотично. И у этого шара не было позвоночника.

Точнее говоря, у него не было костей.

Неизвестно, были ли кости удалены или их не было с самого начала. Мясной шар был мягким и рыхлым, и после долгого пребывания в формалине его края начали распадаться на волокна.

Невинные детские головы на фоне огромного, рыхлого мясного шара сами по себе создавали мощный визуальный шок. К тому же, в месте соединения голов с шаром Цэнь Цзинь заметил следы хирургических швов.

Однако на самом зловещем мясном шаре не было никаких следов операций. Это означало, что беспорядочно растущие руки и ноги, отсутствие костей — всё это было врождённым.

Это было врождённое тело аномалии.

Следы человеческих хирургических экспериментов и врождённая аномальная природа одновременно присутствовали в этом сильно мутировавшем теле, создавая поистине странное впечатление.

— Я помню лица этих троих детей. Они — тройняшки, племянники Ли Чжэньчжуна. Они часто

бегали и шалили в комнате тётки. Позапрошлой зимой, говорят, у них случился приступ, они забежали на десятый этаж и спрыгнули вниз. Их тела так смешались, что невозможно было разделить.

— Но, — в ужасе прошептала Хо Сяотин, — как бы они ни упали, они не могли превратиться в такое.

Её беспокойство и страх, подогреваемые намёками Цэнь Цзиня, постепенно складывались в догадку. И теперь, увидев в морге изуродованных членов клана Ли, эта догадка, витавшая в воздухе, тяжело рухнула на землю, подтвердившись.

Хо Сяотин не знала, кто был зачинщиком, сколько знакомых ей людей было в этом замешано, что знала Ли Маньюнь, и не использовала ли её тётка. Голова шла кругом. Она не смела больше смотреть, схватилась за голову и, повернувшись, сказала:

— Я выйду на минутку...

Хо Сяотин была в шоке, её психическое состояние было нестабильным. Будет лучше, если она подождёт снаружи.

— Будь осторожна, — сказал Цэнь Цзинь.

Он провёл в морге ещё около получаса и только потом вспомнил, что Хо Сяотин так и не вернулась. Подумав, что с ней могло что-то случиться, он пошёл её искать.

Он поспешно оглядел безмолвный коридор. Там было совершенно темно, по обе стороны — комнаты, в которых заперты неизвестные монстры. Вряд ли Хо Сяотин осмелилась бы туда войти. Цэнь Цзинь уже собирался повернуть, как вдруг краем глаза заметил, что посреди коридора внезапно появился красный зонт.

<http://bllate.org/book/13658/1587799>